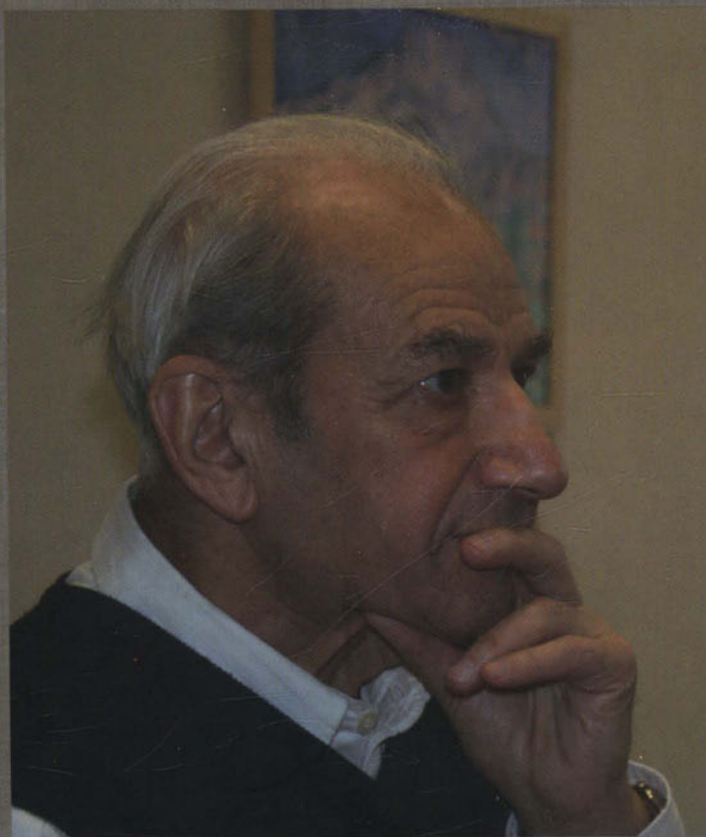

СЛОВО И ЯЗЫК

*Сборник статей
к восьмидесятилетию
академика Ю. Д. Апресяна*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ им. А. А. ХАРКЕВИЧА

СЛОВО И ЯЗЫК

*Сборник статей
к восьмидесятилетию
академика Ю. Д. Апресяна*

Ответственные редакторы
И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2011

УДК 811.161.1

ББК 81.031

С 48

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 10-06-07170

Отв. редакторы:

И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин

С 48 Слово и язык: Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна.
М.: Языки славянских культур, 2011. — 736 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 978-5-9551-0478-2

В сборнике представлены научные статьи, посвященные восьмидесятилетию академика Юрия Дерениковича Апресяна, одного из самых выдающихся лингвистов нашей страны. Среди авторов статей как всемирно известные ученые, так и более молодые ученики Ю. Д. Апресяна и его коллеги из России, Белоруссии, Австралии, Австрии, Германии, Италии, Канады, Польши, США, Финляндии и Чехии. В книге 7 разделов, тематика которых отражает широту научных интересов юбиляра: Семантика и прагматика языковых единиц, Лексикография, Синтаксис и семантика синтаксиса, Прикладная лингвистика и проблемы перевода, Типология, Лингвистика и поэтика, Философия языка. В предисловии, написанном И. А. Мельчуком, ближайшим коллегой и другом Ю. Д. Апресяна, кратко излагаются важнейшие научные результаты юбиляра в теоретическом языкознании, лексикографии и прикладной лингвистике.

81.031

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0478-2

© Авторы, 2011

© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение. Юрий Деренкович Апресян. Краткий биографический очерк (И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин).....</i>	7
<i>Предисловие. Про Апресяна (И. А. Мельчук)</i>	14

Семантика и прагматика языковых единиц

<i>В. М. Алпатов. Семантика цвета в японском языке</i>	21
<i>В. Ю. Апресян. День в день, час в час, минута в минуту</i>	27
<i>П. М. Аркадьев, Г. Е. Крейдлин. Части тела и их функции (по данным русского языка и русского языка тела).....</i>	41
<i>Е. Э. Бабаева. Полисемия прилагательного <i>простой</i> в зеркале композитов ...</i>	54
<i>О. Ю. Богуславская. Лексикографические проблемы описания временной лексики</i>	66
<i>И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин. Валентные свойства автодериватов</i>	79
<i>В. Б. Борщев, Б. Х. Парти. Генитив меры в русском языке, типы и сорта</i>	95
<i>Д. Вайс. Безглагольные конструкции русской разговорной речи: их типология и статус в лингвистическом описании</i>	138
<i>A. Wierzbicka. What's wrong with «happiness studies»? The cultural semantics of <i>happiness</i>, <i>bonheur</i>, <i>Glück</i>, and <i>sčas'je</i></i>	155
<i>И. В. Галактионова. Слова со значением пространственной ориентации: топологическая зона верха</i>	172
<i>С. Ю. Дмитренко, В. С. Храковский. Глаголы стандартных и нестандартных положений в пространстве</i>	182
<i>Д. О. Добровольский. Конверсия и актантная деривация во фразеологии</i>	207
<i>Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Как мы проводим дни и ночи</i>	228
<i>Л. Н. Иорданская. О составе русских прилагательных с приставкой НЕ-</i>	237
<i>Т. В. Крылова. Представление о страхе как положительном факторе в русском наивно-языковом сознании</i>	245
<i>Г. И. Кустова. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (MAGN'-ы-прилагательные)</i>	256
<i>И. Б. Левонтина. Частицы переспроса и припоминания.</i>	269
<i>Х. Р. Мелиг. Вид глагола в русских общих вопросах</i>	279
<i>А. М. Молдован. Поклонная гора</i>	298
<i>Б. Ю. Норман. К соотношению семантической и сигматической информации в плане содержания слова (на материале славянских языков)</i>	307

<i>P. Патмайр. Новые роли в новой деловой коммуникации</i> (на примере жанра собеседования)	319
<i>Z. Saloni. Remarks on Lexical Functions</i> (in the Margins of Juri Apresjan's Paper)	330
<i>С. М. Толстая. Глагол найти/находить и его семантические корреляты</i>	338
<i>Е. В. Урысон. НОРМА, ОБРАЗЕЦ, СТАНДАРТ, ЭТАЛОН, ШАБЛОН:</i> заметки о полисемии	347

Лексикография

<i>А. В. Дыбо. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии:</i> лексика конкретного словаря	359
<i>Б. Л. Иомдин. Материалы к словарю-тезаурусу бытовой терминологии.</i> СВИТЕР: образец словарной статьи	392
<i>М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина, Л. Л. Касаткин. Основные принципы</i> «Большого орфоэпического словаря русского языка»	407
<i>А. Е. Кибрик. Экспедиционные истории 4:</i> Завершение дагестанских сопоставительных штудий (1978—1984)	422
<i>Л. П. Крысин. О «Толковом словаре русской разговорной речи»</i>	446
<i>Е. В. Падучева. Заметки об аспектуальной информации</i> в толковом словаре	457

Синтаксис и семантика синтаксиса

<i>В. М. Живов. Позиция причастных оборотов</i> и их дискурсивные свойства в языке русских летописей	473
<i>Вяч. Вс. Иванов. А всех их было четверо</i>	493
<i>I. Mel'čuk. Word Order In Russian</i>	499
<i>А. Мустайоки. Толкование конверсивных конструкций в рамках</i> функционального синтаксиса	528
<i>J. Panevová. On the Syntax and Semantics of Czech Infinitival Constructions:</i> a Case Study	537
<i>Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян. Ю. Д. Апресян как теоретик</i> Грамматики конструкций	548

Прикладная лингвистика и проблемы перевода

<i>С. А. Крылов. Об инвентаре семантического метаязыка описания русских</i> глагольных конструкций в книге Ю. Д. Апресяна «Экспериментальное исследование семантики русского глагола» (опыт металингвистической систематизации)	561
--	-----

<i>Л. Л. Цинман.</i> Ранжирование синтаксических гипотез в синтаксическом анализаторе лингвистического процессора ЭТАП-3	573
<i>В. В. Шеворошкин.</i> К пониманию милийских текстов	588

Типология

<i>Р. Бенаккио.</i> Глагольный вид в императиве в греческом языке (в сопоставлении с славянскими языками)	623
<i>Х. Томмола.</i> Standard Average European: кто член языкового ЕС	633
<i>Ф. Фичи.</i> Об одной модальной функции рефлексивных конструкций.	645

Лингвистика и поэтика

<i>М. В. Ляпон.</i> Парадоксальная логика как режим мышления	655
<i>Т. М. Николаева.</i> «Утопия» В. Ф. Одоевского и наша действительность	666

Философия языка

<i>A. Boguslawski.</i> A brief account of an item in linguistic phenomenology	673
<i>А. В. Гладкий.</i> Заметки дилетанта о пяти диалогах Платона	681
<i>А. Д. Кошелев.</i> Почему полисемия является языковой универсалией? (Когнитивная природа и языковая функция многозначных слов)	695

ВВЕДЕНИЕ

Юрий Дереникович Апресян. Краткий биографический очерк

Виднейшему российскому лингвисту, академику Юрию Дерениковичу Апресяну, 2 февраля 2010 года исполнилось 80 лет. Влияние его выдающихся трудов и его незаурядной личности на сегодняшний пейзаж отечественной лингвистики, на нравственную атмосферу в филологическом мире России трудно переоценить. Ю. Д. Апресян — один из немногих, а может быть, и единственный лингвист-теоретик, имя которого знают сотни тысяч, если не миллионы людей, весьма далеких от науки о языке: именно таков совокупный тираж «Нового большого англо-русского словаря», который был создан под его руководством в 80-е годы прошлого века и с тех пор ежегодно переиздается. Такие его книги, как «Идеи и методы современной структурной лингвистики» (1966), «Экспериментальное исследование семантики русского глагола» (1967), «Лексическая семантика» (1974), «Интегральное описание языка и системная лексикография» (1995), становились классическими почти сразу после их выхода в свет.

Ю. Д. Апресян родился в Москве в семье служащих. Окончив в 1953 году факультет английского языка 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков, он несколько лет преподает английский в том же институте и одновременно занимается научными исследованиями, результатом которых становится его кандидатская диссертация на тему «Фразеологические синонимы в современном английском языке», защищенная им в 1958 году.

В 1960 году Ю. Д. Апресян переходит в Институт русского языка Академии наук СССР, где в секторе структурной лингвистики работает до лета 1972 года в должности младшего научного сотрудника. В июне 1972 года ученый совет Института русского языка «не счел возможным» переаттестовать Ю. Д. Апресяна даже в столь скромной научной должности, хотя к этому времени Ю. Д. Апресян — один из ведущих специалистов в области структурной лингвистики, автор двух книг (одна из которых уже переведена на другие языки) и множества статей. Такое решение академического учреждения было продиктовано, конечно же, вне-научными обстоятельствами: Ю. Д. Апресяна преследовали за его инакомыслие. Он не скрывал своего несогласия с политикой советской власти, с ее идеологическими догмами, неоднократно выступал в защиту несправедливо осуждаемых — Ю. Даниеля и А. Синявского, А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, в защиту своего друга Константина Бабицкого, который вместе с другими участниками демонстрации 25 августа 1968 года был приговорен к нескольким годам ссылки.

С 1972 по 1985 г. Ю. Д. Апресян работает в московском НИИ «Информэлектро», где собирает группу из лингвистов и программистов, которая под его руководством занялась разработкой систем французско-русского и англо-русского автоматического перевода научно-технических текстов. В 1985 году вместе с несколькими своими сотрудниками он переходит в Институт проблем передачи информации (ИППИ) АН СССР, где сначала работает в качестве главного научного сотрудника, а с 1989 по 1994 г. — заведующим лабораторией компьютерной лингвистики (с 1995 года он вновь в должности главного научного сотрудника этой лаборатории). Параллельно с работой в ИППИ Ю. Д. Апресян возглавил коллектив ученых в Институте русского языка РАН, позднее составивших сектор теоретической семантики. Этот коллектив в 1991 году начал разработку синонимического словаря русского языка принципиально нового типа; работа над словарем была успешно завершена, толстенная книга под названием «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» опубликована и получила высокую оценку специалистов в периодической научной печати.

Труды Ю. Д. Апресяна принесли ему широкую известность не только в России, но и за рубежом. Достаточно сказать, что его книга «Идеи и методы современной структурной лингвистики» была переведена в 70—80-х годах на английский, немецкий, французский, испанский, португальский, венгерский, польский, а монография «Лексическая семантика. Синонимические средства языка» — на английский и польский языки; в переводах на основные европейские языки стали известны специалистам и многие статьи Ю. Д. Апресяна.

Однако официальная лингвистическая наука того времени не признавала несомненных заслуг ученого. Более того, чинились всевозможные препятствия его научной деятельности: Ю. Д. Апресяна многократно «прорабатывали» на различных заседаниях и собраниях, вызывали в КГБ, отказывали ему в выезде за границу по приглашению зарубежных научных учреждений, запрещали читать лекции студентам, в советских научных журналах не принимали к публикации его статьи, удаляли ссылки на его труды в работах других отечественных ученых. В 1973 году была умышленно потеряна сданная им в издательство «Наука» рукопись книги «Лексическая семантика». Впоследствии, когда автору удалось ее восстановить и все-таки опубликовать, эта книга положила начало новой эпохе в теоретической семантике и лексикографии. Сейчас без нее невозможно представить себе не только дальнейшее развитие этих лингвистических дисциплин, но и преподавание языкознания в вузах. Однако лишь в 1984 году, да и то втайне от московской официальной науки, Ю. Д. Апресян защитил в Минске монографию «Лексическая семантика» в качестве докторской диссертации.

Обстановка, сложившаяся в советском языкознании в конце 60-х—70-х годах, описана самим Ю. Д. Апресяном в предисловии к двухтомнику его «Избранных трудов» (М., 1995), где он говорит не только о собственных злоключениях, но и о гонениях, которым подвергались другие ученые. Несмотря на столь неблагоприятные условия научной деятельности, Ю. Д. Апресян все эти годы активно работа-

ет в различных направлениях как теоретической, так и прикладной лингвистики, а также русистики, создавая исследования, которые оказывают значительное влияние на развитие и отечественной, и мировой науки о языке.

Выдвинутая им в начале 80-х годов идея интегрального (то есть единого для словаря и грамматики) описания естественного языка, практически воплощаемая им в многочисленных статьях и в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка», давно укоренилась в сознании молодых ученых. Сейчас эта идея уже кажется настолько очевидной, что трудно себе представить, насколько новаторской она была в свое время.

Особого упоминания заслуживает основанный Ю. Д. Апресяном в 1974 году постоянно действующий семинар — вначале по прикладной, а затем и по теоретической лингвистике, — который, не прерывая своей работы в течение тридцати пяти (!) лет, и поныне собирает на свои занятия специалистов из научных учреждений и вузов Москвы и других городов России. Выступить на этом семинаре, число заседаний которого вплотную приблизилось к пяти сотням, считают за честь многие известные лингвисты России и мира. Семинар явился «ячейкой», в которой постепенно формировалась и к настоящему времени вполне сложилась возглавляемая Ю. Д. Апресяном Московская семантическая школа. Надо сказать, что форма семинарских занятий, с их свободным обменом мнениями, особенно близка Ю. Д. Апресяну, поскольку, несмотря на свое явно лидерское положение в отечественной лингвистике, он предпочитает именно диалог с коллегами и учениками, обсуждение научных проблем «на равных». Он умеет слушать и слышать собеседника, не навязывая ему собственной точки зрения.

В начале 90-х годов заслуги Ю. Д. Апресяна были, наконец, признаны официальной академической наукой: в июне 1992 года он был избран действительным членом Российской академии наук (минуя стадию члена-корреспондента). Излишне говорить, что это «вознесение» на академический олимп несколько не повлияло на поведение Ю. Д. Апресяна и на его качества как ученого и человека: он так же без устали трудится на благо любимой лингвистики, он так же доступен и прост в общении, так же внимателен к коллегам, как это было и раньше.

Сейчас академик Ю. Д. Апресян — лауреат Золотой медали им. В. И. Даля, присужденной ему Российской академией наук в 2004 году, лауреат престижной премии Гумбольдта (ФРГ), почетный профессор МГУ, доктор *honoris causa* Софийского университета Св. Климента Охридского, автор десятка первоклассных книг, многие из которых переведены на несколько языков мира, 11 словарей и 300 статей, он известен далеко за пределами нашей страны как признанный глава Московской семантической школы (МСШ). В рамках этой школы Ю. Д. Апресяном создана целостная и глубоко проработанная теория семантики, основанная на разнообразном и массовом языковом материале. Уже в этом состоит ее принципиальное отличие от большинства современных теоретических построений, которые нередко опираются на весьма ограниченный и выборочный материал. Ю. Д. Апресян всегда ощущал себя лексикографом: именно поэтому он не раз проверял и оттачи-

вал свои теоретические находки, просматривая объемистый словарь (например, все четыре тома Малого академического) от первой до последней страницы. Работы Ю.Д. Апресяна оказали глубокое воздействие на многие исследования, формально не относящиеся к МСШ, и в значительной степени изменили стиль научного мышления большого числа авторов.

Необходимо указать наиболее существенные черты МСШ; они касаются принципов лингвистического исследования, его инструментов, объекта и методов:

- главные методологические принципы МСШ — интегральность и системность. Описания грамматики и лексики языка должны быть согласованы друг с другом и в совокупности образовывать единое (интегральное) функциональное описание языка. Словарь языка системен, хотя, возможно, и в меньшей степени, чем его грамматика;

- описание слова должно выявлять все его системные связи с другими словами и отражать цельную, так называемую «наивную», картину мира, воплощенную в данном языке. Каждое слово должно быть описано в словаре как представитель одного или нескольких лексикографических типов — классов слов с совпадающими или близкими свойствами, которые одинаково реагируют на определенные лингвистические правила;

- основная задача семантики — описать значения простейших содержательных единиц языка и сформулировать правила, по которым из этих значений складывается смысл более крупных фрагментов — словосочетаний и предложений;

- инструментом семантического описания является единый семантический метаязык, представляющий собой ограниченный фрагмент описываемого естественного языка, или же формальный объект (семантическая сеть), эквивалентный этому фрагменту. Ввиду национальной специфики языковой картины мира в качестве такого метаязыка не должен использоваться какой-либо искусственный язык, сколь бы универсальным он ни был;

- на семантическом метаязыке описываются значения всех содержательных языковых единиц — лексем, грамем, аффиксов, синтаксических конструкций, просодий. (Под лексемой понимается слово, взятое в одном из его значений; это — простейший и главный объект семантики и системной лексикографии.)

- семантика не только интересуется значениями содержательных единиц языка, но и стремится отыскать семантическую мотивацию (если она есть) всех свойств этих единиц — морфологических, синтаксических, сочетаемостных, просодических, коммуникативных и других;

- главным методом описания любых содержательных единиц языка являются аналитические толкования их значений на этом метаязыке — это структуры, в которых выделяется до пяти слоев смысла: ассерции, пресуппозиции, модальные рамки, рамки наблюдения, мотивировки. Помимо аналитического толкования, в состав полного семантического представления языковой единицы входят нетривиальные семантические признаки (так называемые «кварки»), коннотации, прагматические сведения;

— полные семантические представления должны строиться так, чтобы, сравнив их, можно было продемонстрировать все семантические связи между различными лексическими единицами в словаре и сформулировать парадигматические правила их семантического взаимодействия и синтагматические правила взаимодействия с другими единицами в текстах.

Ю. Д. Апресяну свойственна уникальнейшая способность претворять общие теоретические концепции во вполне конкретные лексикографические продукты. Эта способность проявилась во всех словарях, над которыми он работал, — в «Толково-комбинаторном словаре русского языка» (составленном Ю. Д. Апресяном совместно с И. А. Мельчуком и А. К. Жолковским), в словаре «Русский глагол — венгерский глагол. Управление и сочетаемость» (в соавторстве с Э. Палл), в «Новом большом англо-русском словаре», в «Англо-русском синонимическом словаре» и, разумеется, в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка», впитавшем в себя практически все достижения теоретической мысли МСШ. Последние три словаря созданы Ю. Д. Апресяном в составе довольно больших коллективов; однако его определяющая роль в этой работе — и в качестве автора, и в качестве строгого и внимательного редактора — не подлежит никакому сомнению.

Важной особенностью создаваемых Ю. Д. Апресяном словарей является их ориентация на активность. Принцип активности словаря требует, чтобы лексическим единицам была приписана информация, необходимая не только для понимания текстов, но и для гибкого использования языка в собственной речи говорящих. Это означает, что словарная статья должна содержать исчерпывающие сведения обо всех существенных свойствах лексической единицы. По мысли Ю. Д. Апресяна, совокупность таких сведений, вместе с правилами, по которым строятся языковые высказывания, является формальным аналогом того, что называется языковой компетенцией говорящих. Идеи, касающиеся активного словаря, сейчас воплощаются в работе над «Активным словарем русского языка», которую осуществляет коллектив составителей под руководством Ю. Д. Апресяна.

От симбиоза теоретической семантики и практической лексикографии, на котором настаивает Ю. Д. Апресян, очевидным образом выигрывают все: и лингвисты-теоретики, и лексикографы, и пользователи первоклассных словарей. Словарь оказывается построенным на прочном теоретическом фундаменте, а теория подвергается массовой проверке и получает мощные импульсы для дальнейшего развития и совершенствования.

Другим важным источником импульсов для развития лингвистической теории явилась работа Ю. Д. Апресяна над системой машинного перевода «ЭТАП» (= ЭлектроТехнический Автоматический Перевод), в которую он вложил годы труда и частичку своей души. Ю. Д. Апресян, как и другие создатели этой системы, в значительной мере воспринимали ее как своего рода экспериментальный полигон для проверки теоретико-лингвистических построений. По существу, именно эта работа привела Ю. Д. Апресяна к формулировке важнейшего

принципа интегрального описания языка — принципа согласованности грамматики и словаря. В свою очередь, система «ЭТАП» явилась практическим воплощением этого принципа в жизнь.

Ю. Д. Апресян отличается высочайшей требовательностью к материалу, который он вводит в научный оборот. Эта требовательность в полной мере относится и к языковым примерам, иллюстрирующим теоретические положения или словарные разработки. Если это литературный пример, то можно быть уверенным, что он заимствован из первоклассного произведения уважаемого автора. Если же это пример сконструированный, то он часто еще и поучителен в самом прямом смысле слова: напоминает о давнем историческом факте, сообщает научную (не обязательно лингвистическую!) истину или рисует в общем оптимистическую картину мира, в котором действуют, как правило, хорошие люди, пусть и не чуждые обычных человеческих слабостей и эмоций.

В последнее время Ю. Д. Апресян обратился к ещё одной исключительно важной теме. Путем основательных и глубоких исследований он построил фундаментальную классификацию языковых предикатов. Отталкиваясь от существующих классификаций Ю. С. Маслова, З. Вендлера и ряда других учёных, автор предлагает весьма стройную и последовательную онтологию предикатов, многие из которых вводятся впервые. Это, например, предикаты деятельности (торговать, воевать), поведения (баловаться, капризничать, ёрничать), занятия (играть, отдыхать), существования (существовать, быть, наличествовать), интерпретации (ошибаться, соблазнять) и многие другие. Как подчеркивает Ю. Д. Апресян, эта классификация необходима для формулировки самых разных лингвистических правил, в частности синтаксических, сочетаемостных, семантических и коммуникативных.

К теме фундаментальной классификации предикатов достаточно близко примыкает работа по созданию цельной системы семантических признаков слов и их семантических ролей. Как и в других случаях, эта работа проходит у Ю. Д. Апресяна проверку на массовом лексическом материале: задуманный автором новый семантический словарь русского языка в настоящее время содержит уже свыше 2000 статей. Система семантических признаков предполагается к использованию в глубоко аннотированном корпусе русских текстов, составляемом Ю. Д. Апресяном и его коллегами в Институте русского языка имени В. В. Виноградова РАН, где он возглавляет сектор теоретической семантики, и в Институте проблем передачи информации РАН.

Необычайная профессиональная добросовестность, основанная на высоких нравственных принципах, строгая требовательность как к своим научным изысканиям, так и к работам других ученых сочетаются у академика Ю. Д. Апресяна с уважением к иным научным концепциям и направлениям, с терпимостью в отношении тех из них, которые противоречат его собственным научным установкам.

80 лет — возраст, когда многие ученые «пожинают плоды», подводят итоги своей научной деятельности, пишут воспоминания. Ю. Д. Апресян далек от этих видов интеллектуальной деятельности: он в расцвете творческих сил, он необычайно

активен как исследователь, как руководитель научных коллективов, о чем свидетельствуют постоянно публикуемые им статьи и книги (в 2009 году появился первый том его фундаментальных «Исследований по семантике и лексикографии (Парадигматика)», на подходе второй том — «Синтагматика»).

Пожелаем юбиляру крепкого здоровья, долголетия и новых творческих высот!

И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Про Апресяна

Признаюсь, я не ожидал, что мне будет ТАК трудно написать несколько слов о Ю. Д. Апресяне, знаменитом лингвисте, докторе, профессоре, академике и прочая, и прочая. Дело в том, что уже полвека он для меня — просто Юра, самый близкий друг и коллега; наши жизни и мысли перемешаны таким образом, что различить их мне представляется практически невозможным. И как же писать о том, что настолько близко? Большие объекты с близкого расстояния целиком не охватишь взглядом. И что именно следует говорить об Апресяне? Об Апресяне-ученом или об Апресяне-человеке?

В действительности, как только я задал себе этот последний вопрос, я тотчас понял, что Апресян-ученый и Апресян-человек неразделимы. Удивительная **цельность** личности Юрия Апресяна составляет, пожалуй, его главную особенность и главное достоинство.

Я полагаю, что, в частности, именно благодаря этому свойству, Апресян сумел создать и развить целую отрасль лингвистики — лексическую семантику. Его книга «Лексическая семантика: Синонимические средства языка» (1974) не только определила на много лет вперед развитие этой области, но и сегодня, 36 лет спустя, все еще является источником ценных мыслей и сокровищницей интересных фактов. Именно в ней Апресян провозгласил синонимию — т. е. перифразирование — главным феноменом в языковой семантике, фундаментом всех теорий и практических описаний. Ориентированность на синонимию была характерна для лингвистических интересов Апресяна с самого начала его научной карьеры; он остался верен синонимии и сегодня.

Научное творчество Апресяна достаточно разнообразно, и его не удастся свести к нескольким простым результатам или принципам. Тем не менее, огрубляя настоящую картину, можно указать исходный постулат и два взаимосвязанных положения, которые достаточно хорошо определяют Апресяновский подход к лингвистике.

Постулат: в центр лингвистического описания ставится словарь. Такая лексикографическая ориентация лингвистики в 60-е — 70-е годы прошлого века решительно шла вразрез с господствующими взглядами и модами. Тем не менее, вопреки идейным и практическим трудностям, Апресян сумел развернуть российскую лингвистику лицом к словарю. Серьезное и разностороннее изучение лексики стало характерным занятием российских лингвистов. Эта деятельность — в рамках типично Апресяновского подхода — может быть охарактеризована следующим образом.

Положение 1: Язык должен описываться как одно целое; соссюроевское «La langue est un système où tout se tient» следует понимать абсолютно буквально. Отсюда — провозглашенный Апресяном лозунг интегрального описания языка, в котором словарь настроен на грамматику, а правила грамматики ($\approx$ синтаксиса и морфологии) строятся с существенным учетом организации словаря. Такая установка породила, в свою очередь, идею системной лексикографии — описание лексики как системы.

Положение 2: При этом каждая лексема представляет собой целый сложный мир: для нее требуется «лексикографический портрет» — детальное формальное описание, ухватывающее все особенности ее употребления, т. е. являющееся своеобразной моделью лексемы. Такой подход требует, в первую очередь, детальнейшей обработки огромного языкового материала — не компьютерно-статистической, а подлинно лингвистической, когда интуиция, знания и логика исследователя (в отличие от нажимания клавиш) играют центральную роль.

Кажется, по объему охваченных данных Апресян превосходит всех известных мне лингвистов — кроме, может быть, Анны Вежицкой, которая, как и Апресян, нацелена на описание и анализ языков, а не на заумное пиар-ориентированное теоретизирование, столь распространенное в наши дни. В частности, Апресян — первоклассный профессиональный лексикограф; изданный под его редакцией «Большой англо-русский словарь» (расширенное и исправленное переиздание 2002 г.) является, без всякого сомнения, лучшим словарем такого типа в России. В этом смысле Апресян уникален: мне неизвестен другой лингвист его масштаба, который имел бы сравнимый опыт лексикографической работы. Именно эта лексикографическая база позволила ему предпринять колоссальное — и по объему, и по значимости — исследование русской лексики.

Теперь я хотел бы упомянуть семь из конкретных результатов Апресяна, которые особенно ценны для меня и сыграли важную роль в моем собственном лингвистическом творчестве.

1. Понятие **регулярной многозначности** и выделение практически всех типов такой многозначности в русском языке в начале 70-х годов легло в основу разработки понятия **вокабулы**.

2. Почему выглядит странно фраза **Прохожий упрекнул Ивана в том, что он не убрал ящик с тротуара?* Жена, дети и друзья могут упрекать Ивана, а прохожие не могут? Ответ дает предложенный Апресяном семантический компонент **‘личная сфера’**: Y, которого X упрекает, должен принадлежать к личной сфере X-а. Понятие личной сферы работает во многих случаях; в частности, оно необходимо для описания смысла местоимений ТЫ vs. вежливое ВЫ. Здесь же можно упомянуть и другой семантический компонент «от Апресяна» — **‘наблюдатель’**; это фиктивное лицо, постулируемое автором повествования, играющее роль начала координат (*Дорога резко повернула направо*: направо по отношению к направлению взгляда Наблюдателя).

Научный стиль Апресяна отличается одним сравнительно редким качеством: его изложение всегда предельно ясно, кристально чисто (ничего лишнего!) и артистично. Читать Апресяновские тексты легко и приятно, несмотря на насыщенность материалом и подчас совсем непростую логику. Неслучайно, что одно из любимых словечек Апресяна — *непринужденность*: он пишет именно в высшей степени непринужденно и этим окончательно покоряет читателя.

В «годы брежневского застоя» Апресян потерял работу в Институте Русского языка — из-за своей бескомпромиссной позиции по поводу подписанного им письма в защиту осужденных писателей Синявского и Даниэля. Отказавшись играть в коммунистические игры, Апресян пошел работать в «Информэлектро»: ведомственный институт по обработке информации в области электропромышленности. При поддержке замечательного человека, директора «Информэлектро» С. Г. Малинина, он создал там своеобразное «укрыище» — не для себя, а для группы перво-классных российских лингвистов, также изгнанных из академических институтов или подвергшихся другим репрессиям. Там, а затем в Институте проблем передачи информации, куда группе удалось перейти с наступлением лучших времен, Апресянцам пришлось заняться новой для себя областью компьютерной лингвистики и машинного перевода. В результате группой была создана «образцово-показательная» система машинного перевода ЭТАП, а главное, было обнаружено и описано огромное количество новых фактов, касающихся русского синтаксиса. И при этом Апресян не снизил планку своего гражданского и человеческого мужества. «В условиях острого эксперимента» (Апресян; не помню, где и когда) он сумел продемонстрировать свою единую и неделимую личность.

Наконец, пришли перестройка и гласность, Институт Русского языка и Российская Академия наук. И Апресян — все тот же. На академическом фронте он ведет решительную борьбу с пережитками совковой действительности. А на лингвистическом направлении запущен в производство НОССРЯ — «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка», синонимический словарь, подобного которому до сих пор нет ни для одного языка. Семантический анализ эквивалентных и квазиэквивалентных русских лексем осуществлен с такой точностью и полнотой, что создается впечатление абсолютной невозможности сделать лучше или детальнее. И во всем видна проникновенная любовь к языку — неременный признак настоящей лингвистики.

80 лет — это очень много: более полувека научной и гражданской активности. Но, с другой стороны, это еще не так много: по доброй еврейской традиции, надо жить до 120 лет. И это — по крайней мере; ибо — зачем ограничивать?

И. А. Мельчук

**СЕМАНТИКА
И ПРАГМАТИКА
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ**

СЕМАНТИКА ЦВЕТА В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из давно и активно разрабатываемых разделов семантики является изучение обозначений цвета в разных языках мира. Такие обозначения удобны для изучения тем, что здесь, в отличие от многих других классов лексики, сравнительно легко выработать общую систему признаков, на основе которой возможно описание и сравнение разных систем. У нас этой проблематике посвящен ряд исследований — см., например, [Фрумкина 1984; Кульпина 2001]. Классической здесь считается американская работа [Berlin, Kay 1969], до сих пор используемая для изучения цветовых систем разных языков; см., например, [Кронгауз 2005: 90—91].

Б. Берлин и П. Кей на основе анализа материала 98 языков разных семей и групп, включая японский, выделили универсальный набор из одиннадцати цветов, который либо целиком, либо частично используется в любом языке. Это (в русском переводе) *белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый* [Berlin, Kay 1969: 2]. Критерии отнесения названий цветов к основным: их обозначение одним корнем, обыденное употребление, использование по отношению к разнообразным объектам (например, не к мастям лошадей), отсутствие вхождения в зону другого обозначения, стабильная оценка информантами [Там же: 5—7]. В результате были получены определенные универсалии: во всех языках есть слова со значением *белый* и *черный*, следующий по распространенности — *красный*, далее на равных правах *зеленый* и *желтый*, затем *коричневый*, а четыре наиболее редких цвета (*серый, оранжевый, розовый* и *фиолетовый*) составляют единую группу. Наличие в языке обозначения, находящегося ниже в иерархии, требует наличия всего того, что находится выше [Там же: 2—4]. Выдвигается также гипотеза о том, что и исторически цветообозначения формируются в таком же порядке [Там же: 14—20].

Описанная система основана на представлениях носителей английского языка, хотя как-то учитываются и ее возможные вариации, в том числе в русском языке, где имеется не входящий, согласно Б. Берлину и П. Кею, в число 11 основных цветов *голубой* [Там же: 99]. Наличие такого цвета — единственная особенность русского языка, выделенная в книге, хотя этот язык имеет и другую. *Розовый* цвет, в отличие от соответствующего ему *pink*, не принято включать в число основных цветов, а для русского восприятия он не соответствует одному из указанных выше критериев такого включения: *розовый*, в отличие от *оранжевого* и *фиолетового*, — часть красного цвета.

У нас традиция иная по сравнению с классификацией Б. Берлина и П. Кей: принято считать английскую систему, не различающую *голубой* и *синий* цвета, более бедной, чем русская система. Впрочем, и в русском языке дистанция между *голубым* и *синим* меньше любой другой. Вот пример из воспоминаний академика А. П. Александрова. Он описывает, как в годы войны ему вдруг встретились «солдаты с голубыми погонами, какие-то летчики без пропеллеров»; оказывается, Александров тогда «не знал формы НКВД» (Новая газета, 28.08.2009). Однако две формы отличаются и цветом: обычно *голубой* считается лишь авиационная форма, цвет же другой формы (НКВД, позднее КГБ) оценивается как *синий*. Но форма пограничников может быть только *зеленой*, грань между *голубым* и *зеленым* очень строгая. Не находят аналога *голубому* Б. Берлин и П. Кей и в других языках, что, впрочем, в каких-то случаях может объясняться ориентацией этих авторов на англоязычную литературу. Однако в японской системе, по крайней мере среди основных цветов, действительно нет, как мы увидим, аналога *голубому*, что подтверждает гипотезу Б. Берлина и П. Кей.

Перейдем к японскому языку. Б. Берлин и П. Кей, ориентируясь на материал англо-японского словаря 1942 г., относят его к языкам, где есть все одиннадцать цветообозначений [Berlin, Kay: 1969]. Однако они указывают, что если современная система укладывается в общие закономерности, то в прошлом, видимо, система была другой, создающей проблемы. Методом внутренней реконструкции получается базовая система из пяти непроеизводных цветообозначений, среди которых есть и *ao(i)*, что в современном языке значит *синий*, тогда как *midori* «зеленый» (буквально «цвет молодой зелени») явно вторично; отсюда можно предположить в прошлом переход *ao(i)* от *зеленого* к *синему* [Ibid.: 42—43].

Однако и в современном языке *aoi* может переводиться в зависимости от контекста и как *синий*, и как *голубой*, и как *зеленый*. Например, в Большом японско-русском словаре даны все три этих перевода (*синий* и *голубой* даны как варианты одного значения, а *зеленый* — как отдельное значение), а также значение «незрелый» [БЯРС 1970: 24]. Такая подача значений — еще один пример того, что различие *синего* и *голубого* в сознании носителей русского языка иное, чем дифференциация других цветов. Для значения *зеленый* в словаре даны примеры *aoi tayoo* «зеленый луч (заходящего солнца)» и *kao ga aoi* «бледен» (буквально *лицо зеленое*). В большом толковом словаре [Kooijen 1976: 10] *aoi* определяется и как цвет неба, и как цвет травы, и как цвет незрелых овощей. Безусловно, исконно в японском языке не расчленилась синяя и зеленая часть спектра (разделение двух значений в БЯРС — отражение русских представлений). Однако в полной мере такое единство существовало лишь в старом языке (до начала европеизации Японии в XIX в.), сейчас значение *aoi* уже сдвинулось в область *голубого* и *синего*, сохраняясь в значении «зеленый» лишь в устойчивых сочетаниях (в том числе переносное значение «незрелый» так и осталось за ним). Это значение теперь чаще передается другими словами: *midori*, его сокращением *midori* и заимствованием из английского *guriin*. Так что Б. Берлин и П. Кей, не зная истории японского языка, предпо-

ложили переход, который действительно в ней был. Вероятно, на этот переход повлияло знакомство с системой обозначений цвета в западных языках, где зеленый и синий цвет строго разграничены.

В книге Дж. Стенлоу [Stanlaw 2004: 211—234] концепция Б. Берлина и К. Кея (названная «вызовом гипотезе Сепира — Уорфа» [Там же: 217]) была проверена на японском материале. Рассмотрены основные цветообозначения, выделенные у Б. Берлина и П. Кея; некоторые из них включают в себя компонент *iro* ‘цвет’ (первые четыре слова даются в форме основы, употребляющейся сравнительно редко, они чаще всего являются прилагательными с окончанием словарной формы *-i*). Это *shiro* ‘белый’, *kuro* ‘черный’, *aka* ‘красный’, *ao* ‘синий’, *murasaki* ‘фиолетовый’, *midori(iro)* ‘зеленый’, *kiro* ‘желтый’, *chairo* ‘коричневый’, *tomoiro* ‘розовый’, *daidaiiro* ‘оранжевый’, *haiiro* и *nezumiirō* ‘серый’. Отметим, что слов двенадцать, а не одиннадцать, поскольку Б. Берлин и П. Кей, исходя из своего источника информации, для серого цвета взяли два слова, не вполне синонимичных, из которых действительно трудно выбрать основное. Только пять первых слов (в том числе для фиолетового) не производны, остальные включают в себя (обязательно или факультативно) компонент со значением ‘цвет’. Последние пять слов буквально означают ‘цвет чая’, ‘цвет персика’, ‘цвет апельсина’, ‘цвет пепла’, ‘цвет мыши’. *Midori* и *ki* находятся в промежуточном положении: *midori* может использоваться с *iro* и (чаще) без него, а *ki*, чаще употребляемое в составе *kiro*, в современном языке уже ничего, кроме как ‘желтый’, не означает.

Существует еще восемь обозначений, не входящих в набор Берлина и Кея, из них одно непроизводное *kon* ‘темно-синий’ (между синим и фиолетовым), остальные производны (отметим среди них *sorairo* ‘цвет неба’, встречающееся в русско-японских словарях как эквивалент слова *голубой*). Отмечается, что *kon*, *mizuiro* ‘светло-синий’ (‘цвет холодной воды’) и *kimidori* ‘зелено-коричневый’ (но не *sorairo*) не менее частотны, чем последние четыре слова из первого списка. Наконец, имеются девять заимствований из английского: *pinku* ‘розовый’, *orenji* ‘оранжевый’, *guree* ‘серый’, *buraun* ‘коричневый’, *kaaki* ‘хаки’, *beeju* ‘бежевый’, *kuriimuiro* ‘кремовый’, *emerarudo* ‘изумрудный’, *guriin* ‘зеленый’. Среди них нет ни одного из цветов, обозначенных непроизводными японскими словами (слова вроде *howaito* ‘белый’ (из *white*) существуют лишь в устойчивых сочетаниях: *howaito hausu* ‘Белый дом’), зато в конце шкалы Берлина и Кея они не только появляются, но и становятся преобладающими: как указывает Дж. Стенлоу, *pinku* и *orenji* много частотнее, чем соответствующие им *tomoiro* и *daidaiiro*; это соответствует и нашим наблюдениям. Отметим и распространенность *guriin*, о соотношении *guriin* и *midori* см. ниже.

Далее Дж. Стенлоу опросил информантов о том, какие цвета они считают основными [Там же: 219—221]. Более трех четвертей назвали белый, черный, красный, синий, желтый, зеленый (*midori*), более половины фиолетовый и коричневый (*chairo*). Далее следовали розовый (43 %) и оранжевый (39 %), но обозначены они были исключительно заимствованными словами *pinku* и *orenji*. Около четверти информантов указали цвета, обозначенные словами *kon*, *mizuiro*, *kimidori*;

ДЕНЬ В ДЕНЬ, ЧАС В ЧАС, МИНУТА В МИНУТУ

Папе — с любовью и благодарностью за всё — Люша

Тема и содержание этой статьи не случайны. С научной точки зрения естественно, чтобы статья в честь юбилея Ю. Д. Апресяна относилась к одной из близких ему областей лингвистики, например, к языковой картине мира, которой юбиляр посвятил многие свои основополагающие работы (упомянем некоторые из них — [Апресян 1986, 1995: 348—388; 2006]), — а синтаксическая фразема *Х в Х*, которая рассматривается в данной статье, этому условию вполне удовлетворяет. Однако в выборе темы для юбилейной статьи важен и человеческий элемент. Юбиляр обладает многими удивительными человеческими и сверхчеловеческими качествами, отчасти уже описанными нами совместно с С. А. Григорьевой в сборнике к 70-летию Ю. Д. Апресяна [Апресян В., Григорьева 2000]. Для их полного интегрального описания понадобился бы не один выпуск словаря, а на предоставленных в настоящем сборнике страницах мы рискуем описать лишь одно. Согласно нашему анализу синтаксической фраземы *Х в Х*, это качество, в русской языковой картине очень редкое, но зато в высшей степени свойственное Ю. Д. Апресяну, — пунктуальность. Даже если юбиляру удалось передать названное качество не всем своим ближайшим родственникам, это не умаляет, а, наоборот, стократно увеличивает их восхищение этим, а также всеми остальными его замечательными свойствами.

Папа, с днем рождения!

1. Место синтаксической фраземы *Х в Х* в русской языковой картине мира

Синтаксическая фразема¹ *Х в Х* со значением временного совпадения находится на пересечении двух важных пластов русского языка — во-первых, это класс единиц со значением совпадения, во-вторых, это темпоральные синтаксические фраземы.

В первый класс входят единицы со значением точного соответствия по количественному параметру (*тютелька в тютельку*; ср. *Платье на Машу пришлось тютелька в тютельку*; *Денег хватило тютелька в тютельку*), со значением полно-

¹ См. [Иорданская, Мельчук 2007; Иомдин 2003] где излагается понятие синтаксической фраземы, а также анализируются различные синтаксические фраземы русского языка.

го совпадения каких-либо характеристик (*точь-в-точь, один в один*; ср. *У нее лицо точь-в-точь как у той актрисы*; *Тексты одинаковые, просто один в один*), которые имеют такую же прагматическую функцию, как и темпоральная фразема *X в X* — привлекать внимание адресата к необычному факту столь точного совпадения.

Во второй класс входят многочисленные темпоральные синтаксические фраземы, хорошо представленные в русском языке. Единицы со значением времени легко поддаются прагматической переоценке, и наличие модальной рамки характерно для многих темпоральных синтаксических фразем. При этом некоторые семантические параметры, которые важны на всем пространстве темпоральных синтаксических фразем и организуют представленные на нем типы прагматической оценки, оказываются важными и для рассматриваемой фраземы *X в X*, как будет показано ниже.

Основным материалом для заполнения валентностей темпоральных синтаксических фразем служат слова, у которых выделяется значение «интервал времени определенной длины», такие как *секунда, минута, час, день, неделя, месяц, год, век* (но не количественно неопределенные *мгновение, миг, вечность*). При этом существенно, оценивается ли интервал времени как долгий, краткий или нейтральный в отношении количественной оценки. Изначально в семантику этих слов не заложено представление о том, насколько длинным или кратким по ощущениям представляется говорящему тот или иной интервал времени, в них содержится лишь указание на объективное количество времени: так, *минута* — это шестьдесят секунд и одновременно одна шестидесятая часть *часа, год* — это триста шестьдесят пять дней и т. п. Однако естественно, что более долгие интервалы времени, такие как *год, век*, могут переосмысляться как длинные по ощущениям, а более короткие, такие как *минута* и *секунда*: — как субъективно быстро пролетающие. Некоторые интервалы времени можно назвать промежуточными: так, *день* и *час*, а также иногда *неделя* и *месяц* могут осмысляться и как долгие, и как недолгие. Ср. *в течение долгих часов* (дней, недель, месяцев, лет, веков) VS. *в течение долгих минут*, *в течение долгих секунд*; *долгие часы* (дни, недели) *неизвестности*, *долгие месяцы* (годы) *разлуки*, *долгие века рабства* VS. *долгие минуты неизвестности*, *долгие секунды неизвестности*, **долгие минуты* (секунды) *разлуки*; *короткие минуты* (часы, дни, недели, месяцы) *счастья*, *короткие секунды триумфа*; *О, как вернуть вас, быстрые недели / Его любви, воздушной и минутной!* (А. Ахматова, Высоко в небе облачко серело...) VS. *короткие годы успеха*; *короткие века независимости*.

Эта естественная шкала подтверждается данными сочетаемости по Русскому национальному корпусу, однако с некоторыми поправками. Во-первых, *неделя, месяц* и *секунда*, в силу своей общей меньшей частотности по сравнению с *минутой, часом, днем* и *годом*, несколько выбиваются из ожидаемой иерархии: так, сочетаний *короткий год* (*короткие годы*) оказывается больше, чем сочетаний *короткие месяцы* (*недели*), хотя в соответствии со шкалой реальной длительности естествен-

но было бы ожидать обратного, равно как и сочетаний *долгие дни* и особенно *долгие часы* намного больше, чем сочетаний *долгие месяцы* (*недели*).

Кроме того, в корпусе присутствует некоторое количество *долгих минут* (*секунд*), а также *коротких лет*, что, казалось бы, противоречит оценке этих интервалов времени как, соответственно, субъективно длительных и коротких. Однако на самом деле это только подтверждает общую тенденцию: говорящий отмечает субъективно быстрое прохождение долгого интервала (*короткие годы*), а также субъективно долгое прохождение короткого интервала (*долгие секунды*) как необычные; поэтому, в частности, такие сочетания нередко сопровождаются дополнительными характеристиками типа *неправдоподобно*, *невероятно*; кроме того, слова *минута* и *секунда* в сочетании с прилагательным *долгий* используются в основном во множественном числе (для «удлинения» обсуждаемого интервала времени). Кроме того, выясняется, что в узусе вообще чаще встречаются сочетания со словом *долгий*, чем со словами *короткий*, *краткий*, *быстрый*, то есть люди склонны чаще привлекать внимание к тем ситуациям, в которых время тянется для них *долго*, чем те, в которых оно пролетает *быстро*. Итак, корпусные данные сочетаемости обозначений разных интервалов времени (в единственном и множественном числах) со словами *долгий*, *короткий*, *краткий* и *быстрый* таковы:

долгий год 2036

долгий месяц 135

долгая неделя 29

долгий день 160

долгий час 196

долгая минута (17, из них 12 в форме множественного числа)

долгие секунды 4 (все в форме множественного числа)

короткая (*краткая*, *быстрая*) *секунда* 12

короткая (*краткая*, *быстрая*) *минута* 58

короткий (*краткий*, *быстрый*) *час* 36

короткий (*краткий*, *быстрый*) *день* 105

короткая (*краткая*, *быстрая*) *неделя* 2

короткий (*краткий*, *быстрый*) *месяц* 4

короткий (*краткий*, *быстрый*) *год* 20

Каким же образом прагматическая оценка интервала времени как короткого или долгого взаимодействует с его способностью употребляться в разных темпоральных синтаксических фразах? Оказывается, некоторые синтаксические фраземы содержат прагматическую оценку времени как долгого, и, естественно, в таких фразах валентности могут заполняться только названиями субъективно длинных или нейтральных интервалов времени, а некоторые, наоборот, имплицитно краткость временного интервала и, соответственно, допускают только названия субъективно кратких или нейтральных интервалов времени.

Ср., например, фразему *с X-а на X* (*Мы ждем его со дня на день*), со значением 'Событие Y должно произойти очень скоро, в течение временного интервала X'. Естественно, в этой фраземе прагматически адекватными будут только субъективно короткие или нейтральные *секунда, минута, час, день, неделя*, но не субъективно длинные *месяц, год* (*?Мы ждем его с месяца на месяц, *Мы ждем его с года на год*).

С другой стороны, во фраземе *из X-а в X* (*Вечно одно и то же, изо дня в день*), со значением 'Одно и то же положение вещей Y продолжается очень долго, в течение многих временных интервалов X', задействованы субъективно длинные временные интервалы. В этой фраземе употребляются слова *день, год и век*: *Изо дня в день разговоры об одном и том же; Из года в год процветает коррупция; Из века в век люди пытаются победить болезни*. Сочетания **из секунды в секунду, *из минуты в минуту* и *?из часа в час* невозможны, т. к. временные интервалы *секунда, минута и час* слишком коротки. Что касается сочетаний *из недели в неделю* и *из месяца в месяц*, то они потенциально возможны, однако в узусе редки, т. к. в русском языке отсчет времени вообще гораздо чаще происходит на *минуты, часы, дни и годы*, чем на *секунды, месяцы* и особенно *недели*. Это связано, по-видимому, с тем, что время обычно измеряется в *часах и минутах* (*секунды* указываются далеко не всегда), а дата определяется через *день, месяц и год*. В «наилучшем» положении оказываются *дни*, у которых есть и числовое выражение (номер дня в месяце), и названия (дни недели), а также имеющие числовое выражение *минуты, часы и годы*. В несколько «худшем» положении находятся *месяцы*, которые определяются в первую очередь по своим названиям (номера месяцев используются в основном для записи дат). В «наихудшем» положении находятся *недели*, которые не имеют ни названий, ни номеров (за исключением некоторых специальных контекстов). Ср. впрочем, контекстуально адекватные фразы *Потребительская активность снижается из месяца в месяц; Акции банков из недели в неделю дешевеют*.

2. Семантика фраземы X в X

Рассмотрим теперь семантику фраземы *X в X*. Валентность X в ней может заполняться словами *секунда, минута, час, день, неделя, месяц, год*. Интересно, что в словарях отражена только часть возможных реализаций этой фраземы, а именно сочетания *секунда в секунду, минута в минуту, час в час и день в день*, причем ее значение также описано непоследовательно — зафиксированы лишь некоторые из возможных интерпретаций.

Вот как представлена фразема *X в X* в МАСе и в Большом англо-русском фразеологическом словаре С. Лубенской:

секунда в секунду — 1) точно в установленный срок; 2) в одно и то же время, одновременно [МАС]; в словаре Лубенской сочетание отсутствует;

минута в минуту — точно, в установленный срок [МАС]; to the minute, on the dot; right on time; at...sharp; on the nose, exactly, precisely at a fixed time; примеры:

Ровно через две недели, минута в минуту — мы опять стояли на каменных плитах знакомой террасы (В. Катаев); *Каждый гость мог записать в книгу, когда будить его завтра. Будили минута в минуту* (И. Грекова) [Лубенская 2004: 369];

час в час — точно, в установленный, назначенный срок [MAC]; Right (precisely) at the appointed (expected etc.) time (hour); predict (prophecy etc.) sth. (right to the very hour), [in limited contexts] right on time; примеры: *Я тебе рассказывала, кажется, как Кирюша день в день, час в час предсказал покойнику папеньке его кончину* (Л. Н. Толстой, Детство) [Лубенская 2004: 774];

день в день — точно в назначенный срок [MAC]; precisely (on the day named); to the day; right to the very day; примеры: *Последняя часть романа подписана 4-ым апреля 63 года, а ровно день в день три года спустя и произошло покушение* (В. Набоков); *Я тебе рассказывала, кажется, как Кирюша день в день, час в час предсказал покойнику папеньке его кончину* (Л. Н. Толстой, Детство) [Лубенская 2004: 183].

В МАСе лишь для сочетания *секунда в секунду* выделяются две интерпретации, для остальных сочетаний — только по одной; в словаре Лубенской большее богатство интерпретаций обеспечивается различными вариантами перевода фраземы на английский, однако примеры двух различных интерпретаций даются только для сочетаний *минута в минуту* и *день в день*, но не *час в час*, хотя это сочетание допускает ровно такие же интерпретации, как и два предыдущих. Кроме того, ни одно из предлагаемых словарных толкований не отражает прагматических особенностей данной фраземы, а именно оценки говорящего (подробнее об этом см. в следующем разделе).

В настоящей работе предлагается рассмотреть данную фразему системно, во всех ее интерпретациях и во всех ее реализациях. Как будет показано, для каждой реализации возможны все интерпретации (их на самом деле три, а не две), однако в зависимости от того, обозначение какого временного интервала — субъективно короткого, субъективно длинного или нейтрального — заполняет валентность X, предпочтительной является та или иная интерпретация (что объясняет непоследовательность словарей, которые предпочитают одну, наиболее частотную интерпретацию выделяют в качестве единственной).

Общее значение фраземы *X в X* таково: '(а) время события Y совпадает со временем события Z с точностью до временного интервала X; (б) говорящий считает, что это необычно'.

Это значение может реализоваться в двух основных контекстуально обусловленных интерпретациях — интерпретации «запланированного совпадения» и интерпретации «незапланированного совпадения», вторая из которых подразделяется, в свою очередь, на две, что в общей сложности дает три возможных интерпретации:

- 1) 'время события Y совпадает со временем Z с точностью до временного интервала X', где Z — это какое-то фиксированное время, обычно запланированное для Y по предварительному плану, графику, предсказанию, рас-

чету и пр. (*Он пришел в условленное время, минута в минуту; Он пришел ровно в четыре, минута в минуту*);

- 2) 'время двух событий Y и Z совпадает с точностью до временного интервала X', причем совпадение обычно не запланировано заранее и может быть
 - а) полным; ср. *Он родился день в день с началом войны*, где совпадают все три параметра, по которым определяется день — число, месяц, и год, т. е. речь идет об одновременных событиях, либо
 - б) частичным; ср. *Он получил диплом ровно через пять лет после поступления в институт, день в день*, где совпадают только два параметра — число и месяц, т. е. речь идет о последовательных событиях.

Таким образом, в значении синтаксической фраземы *X в X* выделяются два уровня: семантический — '(а) время события Y совпадает со временем события Z с точностью до временного интервала X' и прагматический — '(б) говорящий считает, что это необычно'. При этом на семантическом уровне выделяются две части: ассертивная — 'время события Y совпадает со временем события Z' и пресуппозитивная — 'с точностью до временного интервала X'; ср. *Он приходит не минута в минуту, но достаточно пунктуально; Обычно мы встречаемся в марте, когда это случилось. Не день в день, конечно...* (А. Толстых, Душа в футляре) [отрицается только данная степень точности совпадения, однако само совпадение не отрицается]; *Он позвонил точно в назначенное время — даже не минута в минуту, а секунда в секунду* [степень совпадения может быть даже более точной].

Для каждого сочетания возможны все три интерпретации, однако некоторые из них частотны, а некоторые имеют статус потенциальных и в узусе практически не встречаются. Выбор предпочтительной интерпретации определяется прагматическими факторами, о которых речь пойдет ниже. При этом некоторые сочетания более частотны (такие как *минута в минуту, день в день, час в час, год в год*), некоторые несколько менее частотны (*секунда в секунду, месяц в месяц*), а некоторые возможны только в очень ограниченном круге контекстов (*неделя в неделю*). В этом смысле фразема *X в X* не отличается от рассмотренных выше фразем *из X в X* и *с X-а на X*, где сочетания с со словами *секунда, неделя и месяц* также менее частотны, чем сочетания с обозначениями других временных интервалов. Сочетания со словом *век* (возможные для фраземы *из X-а в X*) невозможны для фраземы *X в X* по прагматическим причинам. Фразема *X в X* привлекает внимание к необычной степени точности временного совпадения; совпадение с точностью до века не может считаться высокоточным, особенно в пределах одной человеческой жизни. Употребление фраземы *век в век* требовало бы слишком протяженной рамки наблюдения — один век для интерпретации точного совпадения (**Эти два изобретения появились практически одновременно — век в век*), тысячелетие для интерпретации частичного совпадения (**Ровно через тысячу лет после падения Рима, век в век, Колумб открыл Америку*), поэтому такие сочетания прагматически невозможны.

Рассмотрим теперь все возможные интерпретации для каждого из возможных сочетаний.

секунда в секунду (26 вхождений в НКРЯ)

1) 'время события Y совпадает со временем Z с точностью до секунды' — 23 вхождения

Он пришел ровно в пять часов, секунда в секунду; Секунда в секунду, в назначенный срок, наш дорогой дракон заключит тебя в свои объятия (Е. Шварц, Дракон); *Условленный стук в дверь из смежного номера раздался точно в назначенный срок — секунда в секунду* (В. Скворцов);

2) 'время двух событий Y и Z совпадает с точностью до секунды' — 0 вхождений

Мы подъехали одновременно, секунда в секунду;

3) 'время двух следующих друг за другом с интервалом, кратным минуте, событий Y и Z совпадает с точностью до секунды' — 3 вхождения

Он пришел ровно через пять минут, секунда в секунду; Следующая атака Легиона последовала через час, в три, секунда в секунду (Н. Подольский); *Просит позвонить завтра «в это же время» — засеки время и звони секунда в секунду* (А. Шубин).

минута в минуту — 84 вхождения

1) 'время события Y совпадает со временем Z с точностью до минуты' — 77 вхождений

Ян приехал на место встречи минута в минуту (П. Галицкий, Цена Шагала);

Ровно в двенадцать, минута в минуту, дверь приоткрылась (В. Некрасов, Саперлипопет);

2) 'время двух событий Y и Z совпадает с точностью до минуты' — 3 вхождения

Мы с ним подъехали одновременно, минута в минуту; Двести девяносто шесть грузовиков двенадцатью отдельными автоколоннами должны были минута в минуту выйти к массиву (В. Богомолов);

3) 'время двух следующих друг за другом с интервалом, кратным часу, событий Y и Z совпадает с точностью до минуты' — 4 вхождения

Когда через 24 часа, минута в минуту, мы прибыли в кафе на Страстной площади {...}, Жора уже был там (С. Алешин, Встречи на грешной земле); *Со дня прилета Алистратова в этот город прошло ровно десять суток. Минута в минуту* (С. Романов, Парламент).

час в час — 12 вхождений

1) 'время события Y совпадает со временем Z с точностью до часа' — 6 вхождений

Приходи, смотри, час в час, не раньше и не позже (П. Бажов, Золотой волос); *С этапа на этап — докатился солдат до своего места, в аккурат час в час в свою роту появился* (Саша Черный, Солдатские сказки);

2) 'время двух событий Y и Z совпадает с точностью до часа' — 1 вхождение

За все эти три месяца его допрашивали в Таганке только один раз — именно 12-го апреля, день в день и час в час с одновременным моим допросом на Лубянке (Р. В. Иванов-Разумник, Тюрьмы и ссылки);

3) 'время двух следующих друг за другом с интервалом, кратным суткам, событий Y и Z совпадает с точностью до часа' — 5 вхождений

Маргарита {...} вспоминала, как ровно год, день в день и час в час, на этой же самой скамье она сидела рядом с ним (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Через неделю. Час в час* (Н. Э. Гейнце, Дочь Великого Петра).

день в день — 79 вхождений

1) 'время события Y совпадает со временем Z с точностью до дня' — 46 вхождений

Изредка он брал у меня деньги — не помногу, рублей пять, десять — и всегда возвращал точно, день в день (И. Грекова, Дамский мастер); *Мне даже странно, но получилось так, что все намеченное вышло практически день в день* (Е. Губайдуллина, «Известия», 2002.07.08);

2) 'время двух событий Y и Z совпадает с точностью до дня' — 11 вхождений

Вряд ли родители Ванессы ожидали, что все кончится тем, что их дочка будет со скрипочкой наперевес распевать поп-песенки — не зря же она родилась день в день с Николо Паганини (Г. Пуотс, «Известия», 2001.12.16); *Комичным казалось даже его исключение из партии 19 сентября 1972 года (почти день в день совпавшее с тридцатилетием его партийного стажа)* (В. Потресов, Возвращения Некрасова);

3) 'время двух следующих друг за другом с интервалом, кратным месяцу, событий Y и Z совпадает с точностью до дня' — 22 вхождения

Закончился финальный акт трагедии, разыгравшейся ровно день в день восемьдесят лет назад в Екатеринбурге (В. Быков, Ольга Деркач, Книга века); *Государь, по слухам, выехал в Вильну, день в день через полгода после своего выезда из нее* (Г. П. Данилевский, Сожженная Москва).

неделя в неделю — в НКРЯ не встретилось

1) 'время события Y совпадает со временем Z с точностью до недели'

Нам платят аккуратно — неделя в неделю; Строительство идет по плану — неделя в неделю; При беременности развитие плода не всегда идет неделя в неделю;

2) 'время двух событий Y и Z совпадает с точностью до недели'

Они одновременно вернулись из армии — неделя в неделю;

3) 'время двух следующих друг за другом с интервалом, кратным месяцу, событий Y и Z совпадает с точностью до недели'

Ровно через три месяца — неделя в неделю — я получила от него письмо; Я написал эту статью год назад — неделя в неделю.

СЛОВО И ЯЗЫК

Сб. статей к восьмидесятилетию
акад. Ю. Д. Апресяна

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор Е. Сметанникова
Оригинал-макет подготовлен Б. Абакумовым
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 03.06.2011. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 59,34. Тираж 400. Заказ № К-6003

Издательство «Языки славянских культур».
№ госрегистрации 1037789030641.
Тел.: 95-952-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.